

1. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 9.929

Л.В. Шабанов, М.В. Малинников

ФАВОРИТИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ САНОВНИКОВ XVIII – НАЧАЛА XIX в.)

Рассматривается уникальная ситуация построения карьеры сановников Российской империи, сложившаяся в период завершения правления Екатерины II и постепенно изменявшаяся при последующих императорах: Павле Петровиче, Александре Павловиче и Николае Павловиче. Складывающаяся в этот период модель «власть – сановник», основанная на личных предпочтениях представителя власти, постепенно проецируется на всю государственно-административную структуру «власть – чиновник». Традиция фаворитизма в итоге создает уникальный тип чиновника, который одновременно являлся и объектом власти государства и субъектом, реализующим государственную власть; с точки зрения авторов статьи, именно эта особенность, заложенная в эпоху абсолютизма, оказала в дальнейшем серьезнейшее влияние на формирование института российского чиновничества в целом.

Ключевые слова: фаворитизм, объект власти, субъект власти.

Объективность исторического познания, в частности, оценки результатов деятельности лиц, занимавших высокие государственные посты, обеспечивается несколькими основными принципами в том числе: принципом историзма, объективности, принципом социального подхода, альтернативности. Однако до сих пор остается актуальной проблема, связанная с оценкой исторических личностей, их деятельности, времени их жизни – противоречивые отклики современников, оценки историков разного времени, изменения в сфере государственной идеологии зачастую приводили к диаметрально противоположным оценкам одного и того же человека.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. мы стали свидетелями резкой смены оценок лидеров социалистических революций и коммунистического движения, однако проблемы недооценки или переоценки деятелей российской истории не новы. Подобные «несстыковки» в оценке наблюдаются в историографии эпохи Петра I, Анны Иоанновны, Екатерины II, Павла I; многие видные деятели XIX в. также получали и позитивную, и впоследствии негативную оценку и от историков, и от современников.

С чем это связано? На наш взгляд, существует несколько факторов, которые, так или иначе, были свойственны многим историческим эпохам и которые до сих пор влияют на оценки исторических деятелей. 1. Изменение идеологии государства, когда смена руководителя страны приводила к ротации элит, в результате которой предыдущая элита обвинялась во всех ошибках, а пришедшая к власти – присваивала себе все позитивные дости-

жения. 2. Переоценка личности относительно военного и гражданского прогресса в обществе (очень часто обывательская оценка современников исходила из сиюминутного принципа «здесь и сейчас», низводя великих деятелей прошлого до примитивных и неумелых управленцев, стяжателей славы, лукавых фаворитов). 3. Недоступность достоверной информации о человеке (закрытость архивов, отсутствие мемуарной литературы, писем) и неоднозначность и неравнозначность занимаемых личностных и статусных позиций оцениваемого человека. 4. Однако определяющим становится тот факт, что любой чиновник высшего ранга, занимая свой административный пост, оказывался в двойственной ситуации: с одной стороны, он, как и подавляющее большинство чиновников в стране, являлся объектом власти (с той разницей, что по «Табели» занимал верхние позиции иерархической пирамиды); с другой стороны, он являлся и субъектом власти, так как сам не только влиял на принятие решений, но и самостоятельно определял политику государства.

Мы рассмотрим эти факторы и соотнесем их относительно событий, развернувшихся в России в период окончания XVIII – начала XIX века, т.е. в периоды смены власти, когда происходит ротация элит (тем более, что для этого времени наиболее характерным поводом для ротаций становилась смена ближайшего к монаршей особе фаворита). Фаворит не только был особо приближенным человеком, но и влиятельным лицом, которое обладало правом выступать как субъект власти (а часто и произвола) в государственной политике.

Фаворитизм не обязательно был связан с интимными отношениями монарха (или его супруга/супруги) с фаворитом, как это нередко представит в современных стереотипах. К примеру, герцог Бекингем, возможно, был фаворитом Якова I, но оставался вторым человеком в стране и при его сыне Карле I. Сексуальной составляющей не было и в испанской должности «валидо» (герцог Лерма, граф-герцог де Оливарес), которым короли поручали государственные дела ввиду личной неспособности и склонности к благочестию; у фаворитов Петра I (Лефорт, Меншиков) или Карла XII (Гёрц) также определяющими были деловые качества и личная преданность.

Необходимо заметить, что традиционная система построения иерархии власти в России скорее напоминала иерархии восточных деспотий, когда возле первого лица государства формировался некий совещательный орган («Ближняя рада», «особо приближенные», «близкие люди», «Избранная рада», «доверенные лица», «Негласный комитет» («Интимный комитет»), и, как правило, в него входили те, кто рос и воспитывался вместе с монархом, – они до конца были рядом с ним и определяли его политику. При Иване Грозном впервые происходит действительная ротация приближенных лиц (А.Ф. Адашев, Малюта Скуратов, Борис Годунов).

Новый фаворитизм XVIII в. строился по примеру европейских государств и часто был связан с приближением к себе людей за качества, далекие от профессионального воина или чиновника (брадобреи, церемониймейстеры, часто – воспитатели и духовники, но в большинстве своем рычагами фаворитизма пользовались при дворе женщины). Во Франции в XVII – XVIII вв. существовало даже понятие «официальная фаворитка», которая от всех прочих отличалась тем, что имела практически неограниченное влияние на монарха.

«Западный» фаворитизм появляется в России с установлением абсолютизма и утверждается во время правления Петра I, достаточно вспомнить имя А.Д. Меншикова, сыгравшего большую роль в исторических процессах становления Российской империи, а впоследствии, после смерти своего монаршего покровителя, даже пытавшегося вступить в борьбу за престолонаследие. Его влияние даже превышало влияние «первого советчика» XVIII в. Ф.Я. Лефорта. Несмотря на награды, буквально сыпавшиеся на него, он не забывал постоянно увеличивать свое состояние всеми мыслимыми средствами. С 1714 г. Меншиков постоянно находился под следствием за многочисленные злоупотребления и хищения. Петр I не раз и сам

штрафовал его, но каждый раз смягчался, взвешивая «на весах правосудия как преступления его, так и заслуги». Поэтому, несмотря на доказанные проступки, Меншиков на протяжении всей жизни Петра I оставался влиятельнейшим вельможей. Однако в 1727 г. он попал в опалу к императору Петру II, был лишен всех титулов, званий, наград и имущества, арестован, а затем с женой и детьми сослан в Березов, где и умер (1729 г.).

Высокий чиновник, практически несколько лет удерживающий всю государственную политику под своим контролем, являвшийся деятельным и самостоятельным администратором, субъектом власти, в реальности оставался, как и подавляющее большинство чиновников империи, объектом власти монарха, и по смене на престоле лояльной Екатерины I потерял все.

Наибольшее развитие фаворитизм приобрел во времена правления женщин-императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Царствование Анны Иоанновны показательно именуется в литературе как «Бироновщина». Курляндский герцог Петр Бирон находился в зените власти, а царица всецело находилась под его влиянием. Не занимая официальных государственных постов, Бирон фактически направлял всю внутреннюю и внешнюю политику России. Императрица была буквально тенью своего фаворита. Вкусы Бирона были ее вкусами. Итог молниеносного взлета Бирона был закономерен, за ним последовало падение. После смерти Анны Иоанновны в 1740 г. Бирон был арестован и приговорен к смерти, но затем помилован и сослан в Сибирь (правда, Петр III вернул его, а Екатерина II восстановила его в герцогском праве). Но это лишь иллюстрация того, насколько человек, олицетворявший собой государственную власть, являлся объектом прихотей этой власти.

Фаворитизм как закономерное явление эволюции дворянского государства неизбежно продолжал развиваться и при Елизавете Петровне. В XVIII в. фавориты безмерно одаривались титулами и поместьями, имели огромное политическое влияние. Часто не способные к государственной деятельности императрицы (за исключением Екатерины II) целиком и полностью полагались на волю своих любимцев. Так, фаворит Елизаветы «певчий царевны и личный бандурист» А.Г. Разумовский принял активное участие в восхождении Елизаветы на престол. После ссылки другого близкого к императрице лица – прапорщика А.Я. Шубина, простой казак был осыпан милостями, удостоен звания фельдмаршала (ни разу не командуя даже полком). Однако сам А.Г. Разумов-

ский был человеком добродушным, сострадательным и невластолюбивым. Он старался не вмешиваться в политику и участвовал в принятии государственных решений лишь тогда, когда императрица обращалась к нему за советом. Но подобная аполитичность оказалась не свойственной другим ее «приближенным»: А.Б. Бутурлину (сенатор, фельдмаршал, граф), гофмейстеру С.К. Нарышкин (генерал-аншеф, обер-егермейстер), И.В. Шувалову (основатель Московского университета, президент Академии художеств).

Именно при Екатерине II фаворитизм в России превратился в государственную политику, по типу сходную с таким институтом социума, как государственное учреждение (как во Франции при Людовике XIV и Людовике XV), а екатерининские фавориты (Г.Г. Орлов, А.С. Васильчиков, Г.А. Потемкин, П.В. Завадовский, С.Г. Зорич, И.Н. Корсаков, А.Д. Ланской, А.П. Ермолов, А.М. Мамонов, П.А. Зубов) в этом контексте оказались соизмеримы с «птенцами гнезда Петрова».

Фаворитизм открывал большие возможности выходцам из низких сословий, которые становились видными политическими деятелями, возвышаясь за счет лиц императорского достоинства, приближавших их ко двору (тот же Меншиков, Разумовский, Потемкин и др.). Обычно благодаря фаворитам богатели и продвигались по службе их родственники. Часто, пользуясь доверием цариц, фавориты оказывали серьезное влияние на государственную деятельность, принимали решения огромной важности и даже определяли жизнь страны, становясь реальными субъектами государственной власти. Сама структура фаворитизма тоже усложнилась, превращаясь в своеобразную лестницу клиентелы (верхушка начиналась от престола – к фавориту – от фаворита – к доверенным – приближенным – вхожим в дом). Такие иерархии по нисходящей «делили» между собой право на применение власти: от максимальной в масштабе империи у фаворита, до минимальной – у его приближенных на местах. Были случаи, когда разные группы, объединенные вокруг фаворитов, враждовали между собой и участвовали в государственных переворотах, за что в дальнейшем либо получали высокие награды, либо теряли все. Екатерина II сама вела постоянную ротацию своих фаворитов, реализуя свою государственную политику за счет их личных качеств и возможностей. Фаворит получал неограниченную власть, с одной стороны, и при этом же неограниченную ответственность – с другой. Поэтому перемены в жизни фаворитов происходили быстро, а иногда и без видимых причин.

Так, при Павле I произошла принудительная ротация приближенных ко двору людей, в результате которой с политической арены уходят П. Зубов (после суда выслан за границу), А.В. Суворов (отставка и ссылка), Г.Р. Державин (отставка), княгиня Дашкова (ссылка). Кого не удавалось достать живым, того могли покарать и мертвым, например, могилу Г.А. Потемкина Павел I приказал сровнять с землей, поясняя этот акт словами: «В России велик тот, с кем я говорю, и пока я с ним говорю».

Тем не менее такая борьба с фаворитизмом Екатерины при Павле привела к власти новых фаворитов и новые ротации: граф, обер-шталмейстер И. П. Кутайсов, граф, генерал от кавалерии, петербургский военный губернатор П.А. Пален (1798–1801), граф, генерал-адъютант Г.Г. Кушелев (1796–1801), граф, генерал-лейтенант, инспектор артиллерии (1796–1799), при Александре I военный министр (1803–1825) А.А. Аракчеев, действительный тайный советник П.С. Валувев (1796–1800), командор Мальтийского ордена генерал П.А. Талызин (1797–1799), действительный статский советник Ю.А. Нелединский-Мелецкий (1796–1798), товарищ детства императора Павла А.К. Разумовский (1776–1799) и фаворитка при дворе – Е.И. Нелидова (1758–1839).

Многие высокопоставленные военные и придворные лица оказались в полной зависимости от проводимой Павлом I политики. Отныне любой чиновник высшего ранга, занимая верхние административные позиции иерархической пирамиды, постоянно рисковал, как и любой даже самый низший чиновник в стране, оказаться в немилости императора и поплатиться всем; но, с другой стороны, являясь субъектом власти, такой сановник не только влиял на принятие государственных решений, но и самостоятельно проводил свою собственную политику. Непоследовательность реформ Павла напоминала скорее инновации, когда управление изменениями шло в ходе самих изменений. Огромное количество недовольных такой политикой привело к заговору против императора непосредственно в его «ближнем кругу» (у самой вершины государственной иерархии) – субъекты государственной власти употребили ее (в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.) в своих интересах.

Заговорщики – петербургский военный губернатор П.А. Пален, английский посланник Уитворт и вице-канцлер Н.П. Панин – ошиблись, думая, что возвели на престол слабого молодого человека Александра I, которым они могут управлять. Менее чем за год Александр I напомнил им двойственное положение сановника в Российской импе-

рии, безжалостно лишив их военных и государственных постов, отправив в отставку и запретив большинству из них пребывание в столице. В первые годы правления Александр I также проводит ротацию приближенных, опирается на доверенных лиц, не принимавших участия в заговоре против отца: П.А. Строганова, Н.Н. Новосельцева, В.П. Кочубея, А. Чарторыйского, Е.Ф. Комаровского, А.А. Аракчеева, М.М. Сперанского. Некоторые из них позже будут также отставлены от постов и удалены (М.М. Сперанский, Е.Ф. Комаровский). Тем не менее «быть в случае» (т.е. оказаться в нужное время рядом с монархом и оказать ему услугу) считалось высшим достижением в дворянской карьере XVIII – начала XIX в., причем не только в России. Ситуация фавора влекла за собой личное обогащение, возвышение всей фамилии и стремительное продвижение по карьерной лестнице. В то же время от фаворита требовались определенные личные качества: умение рисковать, владение политической ситуацией, предприимчивость и, наконец, стремление преданно служить царю и Отечеству; фаворит мог осуществлять свою государственную деятельность, соотнося ее не только со своими потребностями и своей команды, но и с объективными потребностями страны, внося значительный вклад в реализацию политического курса империи.

После восстания декабристов меняется формат отношений царя и дворянства – общее недоверие внутри элиты, вызванное следствием по делу декабристов, постепенно сводит фаворитизм на нет. А двойственное положение сановника, расширяясь по нисходящим направлениям административной иерархической лестницы, делегируется классу чиновничества, что в итоге приводит к появлению «николаевского чиновника» – человека, имеющего степень самостоятельности, влияния на дела и ответственности в соответствии с местом, указанным в Табели о рангах. При этом высокий сановник, уступал свою долю субъектной самостоятельности как государственный деятель, а значит, в равной степени и ответственности в системе, платя за собственную безопасность административной пассивностью и аполитичностью.

Другой особенностью поколения царедворцев конца XVIII – начала XIX в. стало то, что их карьера начиналась при Екатерине II, подверглась ре-визии при Павле и окончательно эти люди заняли свои места только при Александре I, а конец карьеры пришелся на правление императора Николая. Наиболее яркими фигурами, вписывающимися в это время, стали А.А. Аракчеев, М.М. Сперанский, Г.Г. Кушелев, Е.Ф. Комаровский – время их жизни

пришлось на царствование нескольких российских императоров, и всякий раз со сменой монарха на престоле их жизнь и карьера претерпевали существенные изменения. Однако если рассматривать историческую личность в контексте внешних оценок (историками и современниками), то мы часто сталкиваемся с совершенно противоположными, часто ситуативно завязанными на идеологию или политику государства суждениями. Это связано не только с изменением политики руководства страной, но и с переоценкой взглядов на прошедшие события, а также с уходом с политической арены самих фигурантов и их современников.

В этом плане, например, интересен опыт исследований оценки генерала Аракчеева – любимца императора Александра I, при жизни которого Аракчеев всегда имел довольно позитивный официальный образ государственника; однако после отставки (при Николае I) и в последующей традиции Аракчеев устойчиво оценивался только негативно. В мемуарной и исследовательской литературе было сказано немало нелестных слов о реакционном курсе самодержавия, получившем название «аракчеевщина». Декабристы видели в нем источник всех бед России. В то же время, по выражению В.О. Ключевского, «для установления «порядка» в армии как нельзя лучше подходил именно Аракчеев». М.Б. Барклай де Толли говорил о его редкой проницательности. Многие современники, оценивая негативно Аракчеева как человека, сетовали, что Аракчеев никогда не докладывал об успехах кого-либо, а выискивал недостатки. Офицеры в своих воспоминаниях жаловались, что их служба под начальством Аракчеева преисполнена отчаяния, что он сумел убить всякую любовь к делу. С другой стороны, военный историк В.Ф. Ратч, в воспоминаниях об Аракчеве, хвалил его преобразования на посту губернатора Петербурга: «Больные в госпиталях первые почувствовали благотворные следствия строгого надзора нового коменданта; город принял опрятный вид, и жителям столицы не было необходимости совершать дальние объезды, чтобы миновать непроезжие улицы» [1. С. 43]. Примечательно, что даже самые ярые недоброжелатели не могли обвинить генерала А.А. Аракчеева в казнокрадстве или взяточничестве, столь распространенных среди тогдашнего военного и гражданского чиновничества. Однако как только сановник Аракчеев перестает быть субъектом власти, власть тут же «наказывает» его, будируя общественное мнение и адресуя ему все критические замечания.

Такие же противоречивые оценки вызывала личность М.М. Сперанского – в первой четверти XIX в. он подвергся резкой критике со стороны дворян, недовольных указами о чиновниках, ущемлявшими их привилегии. На него посылались обвинения в «возжигании бунтов» и даже в «способствовании истребления дворянства». Активными противниками Сперанского, открыто выступавшими против реформ и выражавшими взгляды наиболее реакционных дворянских кругов, были и историк Н.М. Карамзин, и родная сестра Александра I, великая княгиня Екатерина Павловна. Карамзин указывал Александру I, что государственные преобразования, совершаемые Сперанским, «есть не что иное, как произвольное подражание революционной Франции, которая является очагом революционной заразы и безбожия». «Одна из главнейших причин неудовольствия россиян на нынешнее правление, – указывает Карамзин, – есть излишняя любовь его (Сперанского) к преобразованиям, потрясающим Империю, благотворность коих остается сомнительной» [2. С. 188]. Великая княгиня считала конституцию «совершенным вздором», а самодержавие – полезным не только России, но и западноевропейским государствам. В ее глазах Сперанский был «преступником», овладевшим волей слабохарактерного монарха [3. С. 45–49].

Совершенно иную характеристику Сперанскому дает Л.Н. Толстой в «Войне и мире»: «...видел в нем разумного, строго мыслящего, огромного ума человека, энергией и упорством достигшего власти и употребляющего ее только для блага России» [4]. Г.С. Батеньков, успевший поработать и в ведомстве Аракчеева, и у Сперанского, близко с ними соприкасаясь, составил довольно прочное мнение о каждом. В воспоминаниях, записанных Гаврилой Степановичем, Сперанский и Аракчеев предстают как противоположности, но не добра и зла, а каждый будто зеркало другому: «Аракчеев страшен физически, ибо может в жару гнева надделать множество бед; Сперанский страшен морально, ибо прогневить его – значит уже лишиться уважения. Аракчеев любит приписывать себе все дела и хвалиться силою у государя всеми средствами. Сперанский любит... скрывать свою значимость и все дела выставляет легкими ... Аракчеев решителен и любит наружный порядок. Сперанский осторожный и часто наружный порядок ставит ни во что» [5. С. 44]. И снова, как только субъект политической власти, в данном случае в лице реформатора Сперанского, теряет возможность употребления власти, он становится объектом многочисленных

нападков – мнения о нем и его деятельности начинают меняться.

Другой, менее знаменитый, деятель той эпохи, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, адмирал Г.Г. Кушелев также подвергся и всесторонней похвале и всеобъемлющей критике. По отзыву графа С.Р. Воронцова, Кушелев принес много пользы русскому флоту, бывшему до тех пор «в непростительном нерадении» [6. С. 284]. При Александре I Кушелев был в числе немногих, которые были устранены от дел и на время «забыты» современниками. Авторы книги-альманаха «Знаменитые россияне» также указывают, что граф Г.Г. Кушелев оставил по себе память честного и «прекраснейшей души» человек [7. С. 439]. Но при этом историки начала XX в. отмечали, что положительные оценки Кушелева в значительной степени преувеличены; его заслуги едва ли соответствовали и полученным им отличиям, и вообще его фавору [6. С. 163]. Такая же судьба постигла и генерал-адъютанта, командира Отдельного корпуса Внутренней стражи, графа Е.Ф. Комаровского. Как позитивную его деятельность оценивали А.Г. Бобринский, Ф. Голицев, С.М. Штутман; как негативную – Е.А. Ляцкий, Б.М. Энгельгард.

Не только люди, но многие слова и выражения в переходные периоды истории меняли свой смысл, и часто позитивные или нейтральные обозначения переворачивали свой смысл. Наричательными для русского общества того времени становятся слова: «полиция», «ценз(ура)», «жандармерия», «западник», «внутренняя стража», «аракчеевщина», «обер-полицмейстер», «чугунный устав». Они, особенно после следствия по делу декабристов, в глазах обывателя получали низкий с точки зрения оценки образ, что не могло не отразиться на отношении к Комаровскому, например, А.С. Пушкина.

А.Г. Бобринский характеризует молодого Комаровского следующим образом: «Он не повеса ничуть, всячески отвергает все развлечения и радости, как будто бы он всегда на службе перед Ее Величеством или перед самим собой» [8. С. 756]. Ф. Голицев: «Его сиятельство граф генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский в своих отчетах буквально поражал меня точными счетами, точными, вплоть до гроша» [9]. Нелицеприятную характеристику Комаровскому дает известный литературовед, специалист по Пушкину и Достоевскому, Б.М. Энгельгард: «Это прежде всего и больше всего ловкий придворный, учтивый, неглупый, скромный, до кончика пальцев исполненный царедворского лукавства. Некоторые из занесенных в записки сцен положительно бы сделали бы честь

и самому Полонию. Такова, например, сцена назначения Комаровского генералом-адъютантом, таковы его рассказы об исполнении поручений Константина. Для него нет ни государственной, ни общественной, ни даже национальной точки зрения. На все он взирает глазами состоящего при дворе, и все совершающееся интересует его лишь постольку, поскольку оно вносит перемены в дворцовые отношения. Гр. Комаровский — придворный нового стиля, из той «новой знати», которая была предметом презрения Пушкина. Всем обязанный русским и иностранным высоким особам (графский титул он получил от австрийского правительства), он служил им за страх и за совесть, по принципу: прикажут — акушером буду. В нем не было ни заносчивости Екатерининских орлов, ни убеждений первых советников Александра. Это был приказной в генерал-адъютантском мундире» [10. С. 250–251]. Таким образом, как в исторической науке конца XIX – начала XX в., так и в современной – практически отсутствует единое доказанное мнение о личности людей этого периода. Мы можем выделить общие места: служба при нескольких императорах, взлеты и падения карьеры, сходные события биографии. Однако определяющим, на наш взгляд, становится двойственное положение чиновника высшего ранга, который постоянно находился в ситуации, когда, с одной стороны, он являлся субъектом власти и самостоятельно определял политику государства, но, с другой, был объектом власти (и власть всякий раз была готова принести его в жертву своим интересам).

Царские придворные практически все впоследствии получали двойную оценку, потому что по своему статусу представляли собой и объект государственной машины, и субъект государственной политики. Такая неоднозначность и неравнозначность оценок современников и последующих историков зависела от того, как изменялось

взаимоотношение чиновника с государственным аппаратом и представителем абсолютной власти в стране – императором. Часто, находясь на пике карьеры, чиновник получал самые позитивные и хвалебные оценки, однако стоило его положению пошатнуться или прийти к власти другой группе фаворитов, как оценки менялись, и административная машина превращала бывшего «любимца судьбы» в нищего, а иногда и находящегося под судом, лишённого всех статусных позиций человека. Такие субъект-объектные отношения и двойное положение государственного чиновника стали характерной чертой не только в эпоху фаворитизма, но и заложили дальнейшую традицию формирования института чиновничества в Российском государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ратч В.Ф. Сведения об Аракчееве. СПб., 1864.
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
3. Богоявленский С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1994. Т. 5.
4. Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 книгах. М.: Современник, 1978. Кн. 1, т. 1–2.
5. Федоров В.А. М.С. Сперанский и А.А. Аракчеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
6. Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 980 с.
7. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биография и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / Сост. Е.Ф. Петина. 2-е изд. СПб.: Лениздат, 1996.
8. Бобринский А.Г. Русский биографический словарь: Ибак – Ключарев. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. Т. 8.
9. Письма Федора Голицева Комаровскому // Е.Ф. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 55.
10. Энгельгард Б.М. О Комаровском // Северные записки. Пг., 1914. № 8–9.